

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Мужчина
не по карману*

Марина С. Серова
Мужчина не по карману
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167027
Мужчина не по карману: Эксмо-Пресс; М.;
ISBN 5-04-010410-3*

Аннотация

Весна, солнышко пригревает, снег тает, и опять любовь стучится в сердце. «Нет, нет и нет! Никаких чувств, когда надо работать», – убеждает себя частный детектив Татьяна Иванова. Но как устоять, когда принц из сказки вот он, рядом, смотрит ласково и дарит цветы. Она ведь женщина, и ничто женское ей не чуждо... Вот только не была бы она лучшим сыщиком города, если бы слушалась лишь того, что говорит сердце. И разве может она думать о себе, когда сын клиентки, чистый наивный юноша, обвинен в зверском убийстве, которого не совершал. И пусть улики указывают на него, Татьяна Иванова найдет того, кто ради корысти так его подставил. А любовь... Может, это и не любовь вовсе? Да и весна эта не последняя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марина Серова

Мужчина не по карману

Глава 1

Я вертела в руках маленькую поздравительную открытку, с натугой соображая, как бы лучше ее подписать. Открытки таких несолидных размеров обычно дарят на День святого Валентина, а потом успешно теряют их в недрах карманов или в залежах городских квартир. Мне же предстояло подарить ее семейной паре: Кире и его жене Катерине.

Вообще-то для других он – Владимир Кирьянов, а для меня просто Киря, с которым я училась когда-то в юридическом, правда, на разных курсах. Сейчас он подполковник милиции, у него есть жена, двое детей и даже стало прорисовываться брюшко. Одним словом, он примерный семьянин, к которому я приглашена на очередную годовщину свадьбы.

Честно говоря, его приглашение меня несколько удивило: инициатором наших встреч – причем деловых – обычно бываю я, а тут Киря сам позвонил и пригласил на торжество. Я сразу живо представила себе семейный праздник, когда на столе чинно в ряд стоят всякие печености, по части которых Катерина настоящий мастер, и несколько опечалилась. Дело в том, что работы у меня довольно давно не было, я поряд-

ком засиделась и начала прибавлять в весе, потому поход к Кирьяновым на вечеринку мог закончиться катастрофически... для моей фигуры.

Я на минуту оторвала взгляд от открытки и посмотрелась в зеркало. Приходилось признать: по части лица отдых, безусловно, пошел мне на пользу – всем блондинкам блондинка! – а вот сбросить пару килограммов не мешало бы.

Беспокойство за фигуру, а также из-за невозможности преподнести юбилярам достойный их – и меня – подарок, поскольку при отсутствии работы отсутствуют и деньги, не вселяло энтузиазма в мою душу. Но тут мне в голову пришла одна, по моему мнению, неплохая идея: прийти на праздник с маленькой открыточкой. Пусть Киря вместе с Катериной думают, что я жмот, и лихорадочно считают, сколько убытков понесли, пригласив меня в гости. И только потом, когда я снова разбогатею, они, конечно же, дождутся настоящего подарка. Но это будет потом.

Я еще раз прочитала надпись на открытке: «Покиряем за твое здоровье», взяла красный маркер и в тон этой фразе, поставив запятую, приписала обращение – «Киря». Удовлетворенно отвела открытку вдаль и полюбовалась. Мартовский кот с облезлыми усами и фужером в лапах стоял как раз над словом «Киря». Нет, не зря я полдня пробегала по магазинам в поисках этой открытки.

От такого собственного коварства у меня сразу же повысилась настроенность, и я с нетерпением стала ждать того мо-

мента, когда можно будет отправляться в гости. Вся комната была забросана платьями, которые я несколько минут назад примеряла, выбирая самое подходящее для сегодняшнего праздника. Беспорядок устроила тот еще, но убираться не хотелось.

Я прошла на кухню и начала готовить себе кофе, чтобы чем-то занять ожидание. Аромат молотых зерен приятно защекотал ноздри. Люблю этот божественный напиток, лишь бы он не был растворимым. Кофе и открытка, лежащая у меня перед глазами, убедили меня окончательно, что идти к Кирьяновым надо.

– Что ж, покиряем, Киря, – глядя на усы рыжего кота, произнесла с улыбкой я.

Трель звонка в квартиру прозвучала неожиданным ответом на мои слова.

«Не может быть, чтобы кто-то смог нарушить мои планы», – подумала я, подходя к двери.

За дверью стояла не очень молодая, но тщательно старающаяся это скрыть женщина. Толстый слой косметики – и, судя по всему, дорогой – маскировал намечающиеся морщины. Длинное приталенное пальто напрасно старалось утянуть полнеющую фигуру. Шляпа с большими полями придавала лицу романтичность, отчего блестящие близкими глазами глаза казались особенно печальными.

– Простите, здесь живет частный детектив, я не ошиблась? – спросила женщина, с сомнением окидывая меня

ВЗГЛЯДОМ.

– Да, это я, – с некоторой долей грусти ответила я: кажется, кирять придется Кире одному.

Я провела будущую клиентку в комнату, походившую на поле, усеянное, как цветами, платьями разных фасонов и расцветок. Увидев весь этот беспорядок, женщина еще раз окинула меня недоверчивым взглядом.

– И частным детективам ничто человеческое не чуждо, – парировала я ее немой укор и, убрав с кресла жакет, предложила посетительнице сесть.

– Мне вас посоветовали как хорошего специалиста в своем деле, – не обратив внимания на мою выходку, сказала женщина, присаживаясь на край кресла. Она положила руки на колени и быстрыми движениями стала теревить свою длинную юбку: первый признак того, что человек нервничает. – Я... не знаю, с чего начать.

– Попробуйте сначала представиться, – предложила я, про себя соображая, что такими темпами разговор затянется надолго.

– Извините, совсем из головы вылетело, – ответила женщина, и краска смущения пробилась сквозь невероятный слой косметики. – Датская Алла Леонидовна. Мой сын... – она запнулась, и глаза ее заблестели еще интенсивнее, – его подозревают в убийстве.

Датская часто-часто заморгала, словно пытаясь загнать слезы обратно, а я с неожиданно открывшимся интересом

установилась прямо ей в лицо. Если мое предчувствие меня не обманывало, дело обещало быть необычным. – Расскажите обо всем подробнее, – попросила я.

– Да тут, знаете, подробно и рассказывать-то нечего, – сразу как-то успокоившись и собравшись, начала Алла Леонидовна. – Вчера вечером мой сын, Аркадий, отправился на день рождения к своему другу. Ночевать домой он не пришел, но меня это не сильно беспокоило. Бывало, он оставался на ночь у друзей, если долго у них засиживался. Правда, в таких случаях сын обычно звонил мне и предупреждал, а тут... – Слезы вновь навернулись ей на глаза.

«Интересно, в каком из закоулков моей квартиры валяется пузырек с валерианкой?» – подумала я.

– Сегодня днем мне сообщили, что Аркадий находится в милиции и его подозревают в убийстве. – Здесь голос Датской задрожал. Женщина достала платок и вытерла им глаза, после чего ее руки снова опустились на колени и стали теревить уже не ткань юбки, а скомканный платок.

Я подумала, что валерианку сейчас все равно не найду, а вот воды принести вполне смогу. К тому же таким образом мне предоставится прекрасная возможность улучшить несколько минут на обдумывание положения. Оставив клиентку в зале, я прошла на кухню, взяла стакан и открыла кран.

Почему-то Датская мне импонировала. Может быть, ее волнение за сына так тронуло меня, я же тоже женщина. И

мне захотелось взяться за это дело. Но если Датская ошибается и ее сын на самом деле убийца? Матери всегда смотрят на своих детей сквозь розовые очки и думают, что только другие, чужие дети способны на преступления, хулиганство и бог знает еще что, но только не их любимое чадо. Нужно будет спросить, не употреблял ли ее сынок наркотики.

Я вернулась в зал со стаканом в руке. Датская все так же сидела на краешке стула, рассматривая цветок на своем платке и тихонько всхлипывая. Я ей подала воды.

– Спасибо. – Датская взяла стакан в руки. Они у нее чуть заметно подрагивали. Женщина сделала пару глотков и поставила стакан на журнальный столик.

– Вы знаете фамилию и адрес друга, у которого был день рождения? – спросила я, когда Алла Леонидовна немного успокоилась.

Датская знала и продиктовала мне то и другое без запинки, на память.

– Что случилось после того, как ваш сын не ночевал дома?

– Я же сказала, сегодня днем мне сообщили, что Аркадий уже в милиции. Его нашли на месте преступления. В доме у какой-то женщины. Убитой. Шадрухина ее фамилия. А в руке у него был нож, которым и было совершено убийство.

– Вы ее знали?

– Нет.

– Может быть, ваш сын был с нею знаком?

– Я не слышала, чтобы он называл при мне эту фамилию.

Но Аркадий у меня мальчик скрытный, о своих делах не очень-то рассказывал. Может быть, он и знал ее.

– А что он делал в доме у этой женщины, когда его нашли? – спросила я и заметила, как Датская еще интенсивнее принялась терзать свой платок. – Согласитесь, очень необычная ситуация получается: ваш сын в незнакомом доме, где к тому же находится труп...

Нервные руки потянулись за стаканом, и Датская залпом выпила оставшуюся воду, делая большие глотки. Глаза ее избегали моего довольно-таки пристального взгляда. Мне это не понравилось.

– Я ждала этого вопроса. И боялась его, – начала Алла Леонидовна, вновь подняв на меня глаза. От волнения она забыла поставить стакан на стол и теперь держала его обеими руками. – В милиции мне сказали, что его нашли спящим на полу. Рядом с трупом. Говорят, он был мертвецки пьян.

– А что, он у вас увлекается этим? – спросила я, вспомнив свои подозрения насчет наркотиков. Материнские переживания Датской были вполне понятны, но вот сын у нее, по всей видимости, не столь хорош, как ей кажется.

– Нет, что вы. Аркадий может, конечно, выпить в компании своих друзей, но не часто и в приемлемых дозах. И я совершенно сама не могу понять, как он мог оказаться в подобном состоянии. В милиции сказали, что его еле удалось поднять. Такого никогда не случалось.

– А наркотики? – задала я следующий интересующий ме-

ня вопрос.

– Что вы! Нет! – оживившись, возразила женщина. – Я работаю в школе, директором. По работе мне, естественно, приходится общаться с детьми и подростками. С разными подростками. Понимаете? – Датская впервые за весь наш разговор открыто и без боязни подняла на меня глаза. – Я обязательно заметила бы. Правда, последние несколько дней Аркадий был чем – то расстроен, сам не свой ходил, но на действие наркотиков это не было похоже. Скорее я бы сказала, что у него случилось что-то.

– И вы не знаете что?

– Я же говорила, Аркадий скрытный человек. Он живет в своем, особенном мире. Часто бывает задумчив, сочиняет песни. Да, вот, чуть не забыла, – спохватившись, сказала Алла Леонидовна и, покопавшись в сумочке, выудила из нее фотографию. – Это он на школьном вечере. Его попросили спеть что-нибудь из своего. Многим понравилось.

С фотографии симпатичный парень смотрел на меня и как-то вдаль. Я, конечно, не считаю, будто по внешности можно определить характер человека и то, сможет ли он совершить преступление. Но все же встречаются иногда люди с таким лицом, что на него взглянешь и сразу понимаешь – убийцей человек с таким лицом быть не может. Не знаю, что мне в Аркадии Датском понравилось. Скорее всего, открытый взгляд.

– Вы знаете мои расценки? – задала я свой последний во-

прос за этот вечер, уяснив для себя главное: мне хочется заняться этим делом, а заодно и поправить порядком истощившийся бюджет. – Двести долларов в день плюс расходы.

Посетительница молча достала из сумочки задаток, и после стандартных прощальных фраз я проводила ее до двери. Небольшие сомнения у меня еще оставались по поводу непричастности Аркадия Датского к убийству Шадрухиной, и я отправилась... к своим магическим двенадцатигранникам. Может быть, это суеверие и глупо доверять судьбу гадальным костям, но, насколько я могу вспомнить, они меня еще ни разу не обманывали. Я достала замшевый мешочек и бросила кости. Выпали цифры 3, 21 и 25. И я сразу вспомнила толкование этого сочетания: «Вы займетесь благородной работой, даже если она будет незаметной для окружающих».

Что ж, сомнений больше не осталось. Я посмотрела на часы и поняла, что еще в одном деле сомнения меня уже больше не будут мучить – все равно опоздала. Оставалось только набрать номер телефона и извиниться.

– Киря, ты? – немного виновато спросила я трубку, когда она подала признаки жизни и в ней прозвучало традиционное «алло». – Боюсь, я не смогу к тебе сегодня приехать...

* * *

«Родион Хрусталев, Саперная, 38, квартира 11», – повторяла я про себя адрес друга Аркадия Датского, с черепашейей

скоростью пробираясь по разбитой за зиму дороге. Весна вместе с грачами вернула на улицы дорожных рабочих, отчего пробок в Тарасове поприбавилось, а настроения у меня, наоборот, поубавилось. Вот уже добрых двадцать минут я пыталась миновать отрезок пути длиной в два квартала, и нервы начали сдавать. Чтобы хоть как-то отвлечь себя от нелестных для дорожных работников мыслей, я и стала повторять про себя этот адрес.

Впереди замаячили ядовито-оранжевые жилеты, и я облегченно вздохнула. Значит, скоро проеду ужасный отрезок пути. Машину тряхнуло на очередной колдобине, и я свернула на Саперную, где жил друг Аркадия, к которому он ходил на день рождения. Здесь транспорта стало меньше, а выбоин еще больше.

Дом под номером тридцать восемь ничем не отличался от большинства современных многоэтажек: неработающий лифт, отвратительный запах из мусоропровода и грязные стены, сплошь покрытые образчиками современного народного творчества, изобразительного и эпистолярного. Я пешком поднялась на пятый этаж и позвонила в дверь нужной мне квартиры.

Открыл мне, насколько я поняла, тот самый Родион. Это был молодой человек лет девятнадцати, в меру симпатичный и безмерно помятый. Влажное полотенце чалмой украшало его взъерошенную голову, а в опухших глазах застыла мука.

«Неплохо повеселился», – отметила я про себя и, достав из кармана свое удостоверение, помахала им перед лицом парня. Мне очень захотелось назвать его султаном, но я решила остаться консервативной и спросила стандартно:

– Вы Родион Хрусталев? У меня к вам есть несколько вопросов.

В некоторых случаях это удостоверение было моей палочкой-выручалочкой. Оно всегда лежало у меня в сумочке с тех самых пор, когда после окончания юридического института я работала в прокуратуре. Те времена прошли, удостоверение стало давно просроченным, но продолжало служить мне верой и правдой. «Корочки» пролетарского красного цвета всегда действовали на людей, как удав на кролика, лишая их способности здраво мыслить, а потому редко кому в голову приходила идея проверить, до какого числа действительно удостоверение.

И на этот раз история повторилась: Хрусталев только глянул на «корочки», и глаза его распахнулись довольно широко, несмотря на похмельную отечность.

– Ко мне же уже приходили, и я рассказал все, что знаю, – удивленно сказал он, поправляя чалму на голове, но все-таки пропустил меня в дом.

Квартира по степени погрома несколько напоминала мою в тот момент, когда ко мне явилась Датская, только покрывающий «поле» материал отличался. На столах и подоконниках стояли грязные фужеры и рюмки, остатки пищи обильно

обрамляли их, аудиокассеты неровной стопкой лежали почему-то на полу, у стенки. Магнитофона рядом не было видно, видимо, его приносил кто-то из друзей, а потом забрал.

Родион прошел вперед и сел на разобранную кровать, с тоской уставившись на пустой графин. Я поняла, что в этом доме не предлагают гостям сесть, поэтому, не дожидаясь приглашения, освободив от какого-то барахла кресло, комфортно устроилась в нем, закинув ногу на ногу. Когда со мной ведут себя не совсем учтиво, я тоже перестаю быть панинкой. Родиона нисколько не удивило мое раскованное поведение, он все воспринял как должное и продолжал смотреть на графин.

– Неплохо повеселились, – заметила я, указывая глазами на пустые бутылки под столом.

– Насколько я знаю, это не противозаконно, – парировал Хрусталеv.

– И я так думаю. Но интересует меня другой вопрос: приходил ли к вам на день рождения Аркадий Датский?

– Ну вы, менты, даете! – возмутился было Родион и тут же сморщился от внезапно возникшей в голове боли. Правильно, нечего попусту возмущаться. – Вы что там, друг с другом не разговариваете? Или бумажки не читаете, которые я подписывал? Сколько же можно об одном и том же рассказывать?

– Ничего, повторение – мать учения, – мне все меньше нравился этот юнец с чалмой на голове. Нужно было его

немного припугнуть, чтобы он хвост поприжал и стал разговаривать с дамой учтивее. – Если хочешь знать, нашелся еще один свидетель, показания которого немного отличаются от твоих. Вот теперь сидим мы и думаем: кто же из вас сочинитель такой искусный? Кому статью шить о сокрытии важной для следствия информации? Не подскажешь?

Хрусталеv от этих моих слов встревожился и оторвал взгляд от графина.

– Я всю правду сказал, – глядя на меня кристально честными глазами, ответил он. – Не верите – спросите у любого, кто был у меня в тот вечер.

– Лучше ты мне еще раз повтори: был Датский на дне рождения или нет?

– Был.

– Дальше рассказывай: когда пришел, что делал, отлучался ли куда?

– Аркашка пришел часов в девять, мы сидели за столом и его не ждали. Он уже был веселый, наклюкался где-то заранее. Для храбрости, наверное. Вообще его никто не приглашал, но то, что он что-нибудь подобное выкинет, я подозревал.

– Почему? – спросила я так, словно знала, какую штуку выкинул Датский на дне рождения. Нужно было делать вид, будто я знакома с материалами дела и «бумажки подписанные» читала, иначе Хрусталеv мог догадаться, что я к милиции никакого отношения не имею.

– Так его девчонка ко мне ушла, Аркашка и обиделся. Мы с ним раньше дружили. Ну, как дружили... тусовались вместе. Учимся в одном техникуме, удобно очень. Потом он познакомился с Вероникой. А я что, виноват, если она мне тоже понравилась? Не виноват. Но он, дурак, надулся, словно она у него первая. Вот мы и поссорились. Я Аркашку и не пригласил на день рождения, потому как знал, что нелегко ему будет на нас с Вероникой смотреть. А он взял и сам приковылял. Хороший такой, поднакачался на славу. Говорит, за твое здоровье хочу выпить, чтобы пошатнулось оно, значит, и чтобы скопытился ты быстрее. Хлопнул стакан стограммовый водки и сразу ушел.

– Один?

– Ну, я-то за ним точно не побежал. Да и остальные гости не сильно растрогались, на месте остались.

Во время всего рассказа Хрусталев то на меня посматривал, то на графин. Наконец его душа не выдержала, и он вышел из комнаты, не сказав мне ни слова. Я услышала, как журчит вода на кухне.

Этого-то мне и надо было. Судя по всему, в квартире не убирались с того памятного дня похождения, а значит, неплохо бы хорошенько здесь все рассмотреть. стакан граненый на столе – это, видимо, тот, из которого Датский пил. Тут же три рюмки, на подоконнике еще две, фужеры – из них, по всей видимости, девчонки пили. А вот и что-то интересное... Рядом со столом, на одной из полок стенки, стоя-

ли явно еще для кого-то приготовленные две рюмки. Но они были чистыми. Либо кто-то в этой компании не пил, что маловероятно, либо кто-то не пришел.

– А все ли приглашенные пришли на праздник? – спросила я погромче, чтобы меня слышно было и на кухне.

– Нет, двое не пришли! – крикнул Хрусталеv оттуда, закрыл кран, и я услышала приближающиеся шаги.

– Почему?

– А я откуда знаю, – появившись в дверном проеме, ответил Родион, – я их после этого не видел.

– А к Датскому они как относились?

– Тепло.

Я удивленно приподняла бровь, и Хрусталеv пояснил:

– Мы вчетвером, еще до того, как я с Датским поссорился, лазили везде. Дружили, по-вашему, – как перед учительницей поправился передо мной Родион. – Ну а на день рождения они не пришли. Отсюда следует, – он молча подошел к креслу, стоящему напротив того, где сидела я, тяжело плюхнулся в него и только после этого продолжил, – что его они больше уважают. Вот так.

Завершив эту фразу, парень взял со стола сигаретную пачку и посмотрел внутрь: в ней было пусто. Он нервно повертел пачку в руках и разочарованно бросил обратно на стол.

«Обидно тебе, значит, что не тебя предпочли», – удовлетворенно подумала я. Хрусталеv был мне неприятен, и это его переживание бальзамом пролилось на мою душу.

– Ты говоришь, Датский пришел сюда уже пьяный. С кем он мог так хорошо посидеть?

– Вот с ними и мог, больше не с кем. Этот принц друзей себе выбирает как жмот: чем меньше, тем лучше. У него больше ни с кем нет таких хороших отношений.

Что ж, кажется, Хрусталеv больше ничего интересного рассказать мне не мог. Я узнала у него фамилии тех двоих и их адреса, а затем с радостью покинула его неубранную квартиру.

Глава 2

У нас в стране ничего сразу не делается. Поэтому на обратном пути на разбитом участке дороги людей в оранжевых жилетах я уже не увидела, зато выбоины на асфальте все с той же настойчивостью подбрасывали мой автомобиль, создавая ощущение морской качки в суровых городских условиях. Эта ассоциация поддерживалась брызгами, вылетающими из-под колес проезжавших мимо машин. Одно радовало: за время моего разговора с Хрустальевым пробка успела рассосаться, и путь домой оказался относительно свободным.

Огромная лужа перед домом была последним препятствием на моем пути, которую я преодолела, уже выйдя из машины, слегка подмочив ботинки и репутацию, поскольку умудрилась, энергично ступив в нее, забрызгать соседку, Лидию Филипповну, стоявшую на «берегу» лужи. Пришлось спешно покинуть двор и отступить в подъезд, чтобы не слушать ее возмущенные замечания по поводу моей неучтивости.

После беседы с Хрустальевым меня все время преследовал запах перегара. Хотелось поскорее встать под душ и смыть с себя воспоминания о нем и его доме, заставленном грязной посудой. Хотелось забраться в горячую ванну, погрузиться в нее по уши, чтобы не слышать никаких звонков, поставить рядом чашку с обжигающим божественным напитком, аро-

матным кофе, и в спокойной обстановке обдумать дальнейшие действия.

Я так и сделала. Первая пара минут в ванне – это святое, их ни в коем случае нельзя портить мыслями о работе, разрешается только наслаждаться. Мне казалось, я растворяюсь в воде, когда тишину вдруг пререзал сигнал сотового. Трубка, как всегда, лежала рядом. На всякий случай я обычно беру сотовый с собой в ванную: вдруг надумаю что-нибудь и решу позвонить кому-то. Но сегодня первой мыслью, пришедшей мне в голову, была разорительная: очень сильно захотелось утопить телефон в ванне. Но потом я подумала, что он здесь ни при чем, а топить нужно того человека, который решил не вовремя меня побеспокоить. Я взяла телефон в руку и так прямо и спросила:

– Тебя сразу топить или откупишься ценной информацией?

На том конце провода человек минуту подумал, соображая, по-видимому, в чем его вина. И неудивительно, меня бы на его месте этот вопрос тоже озадачил.

– Вах, и это благодарность за то, что я хочу поздравить один красивый девушка с одним не менее красивый праздник? – с сильным армянским акцентом откликнулась наконец трубка мне в ухо.

– Какой праздник, Гарик, да? – подстраиваясь под акцент приятеля, спросила я. – Праздник был минуту назад, когда я

тешила себя мыслью пообщаться тет-а-тет с горячей ванной.

Вообще Гарик Папазян, мой старый друг, временами подкидывающий неплохую информацию с места своей работы – из милиции, – давно уже обрусел и по-русски говорит не хуже, чем я, но в разговорах со мной он любит поковеркать слова ради прикола.

– Общайся, – согласилась трубка, – общайся, цветок, выросший на асфальте, птица, томящаяся в клетке городской квартиры. Но с одним условием: через пару часов к тебе прилетит орел, совесть которого не простит ему, если он не принесет тебе в столь замечательный день розу с высоких гор.

– Чем день-то замечателен? – никак не могла понять я.

– Как? Неужели ты забыла про день, в который все мужчины вспоминают, что они все-таки мужчины, а не бараны, покупают подмерзшие мимозы своим любимым и отправляются на кухню, отравляя себе жизнь, а остальным домочадцам желудки?

Я чуть не выронила телефон из рук. Как же могла так подвести меня память? Напрочь забыть про Восьмое марта. Вот что значит холостяцкая жизнь и отсутствие человека, который мог бы напомнить мне об этом. Гарик не в счет, типаж не мой. Я начала лихорадочно соображать: Гарик – мужчина восточный, давно смотрящий на меня, как собака на кость. Поэтому очень не понравилась мне эта перспектива общения с горячим армянским парнем в квартире наедине.

– Так что, пташка? Могу я, окрыленный твоим одобрени-

ем, лететь к твоему гнездышку?

– Не получится, – сразу же отрезала я. – Когда ты прилетишь, гнездо будет заперто на английский замок. У меня заболела подруга. Понимаешь, она очень больная и очень одинокая. Настолько, что, кроме меня, ухаживать за ней никому, – выпалила я первое, что пришло мне в голову. – Я заскочила домой лишь принять душ и собрать необходимые вещи.

– Надеюсь, с ней ничего серьезного не случилось? – уже без наигранного акцента спросил Гарик.

– Банальный бронхит, но в очень серьезной форме, – не моргнув глазом, солгала я.

– Когда же я смогу занести тебе подарок?

– Не знаю, болезнь может затянуться надолго.

– Тогда обещай, что ты мне обязательно позвонишь, когда вернешься, – нотки просьбы жалостливо зазвучали в голосе Гарика.

– Обещаю, – с облегчением выдавила я из себя и отключила телефон.

Пока происходил этот разговор с Папазяном, кофе в чашке успел поостыть, а первое приятное ощущение от теплой воды в ванне после сырости весенних улиц давно прошло. «Весь кайф испортил», – с горечью подумала я и без вдохновения проглотила потерявший большую часть вкуса, остывший кофе. Это напрочь отбило охоту нежиться и расслабляться, в голову поползли мысли.

Что у нас имеется? Некий Датский, который вряд ли знаком с некой Шадрухиной, просыпается утром в ее квартире. Занятная довольно-таки ситуация получается: пришел парнишка к незнакомой тетке, зарезал ее ненароком и тут же прилег отдохнуть. А то ему больше выспаться негде было. Допустим, можно все списать на сильное алкогольное опьянение. Сделал дело и тут же уснул. Притомился. Но если он был настолько пьян, неужели Шадрухина не могла оказать ему сопротивление? Что же выходит, она настолько немощна? Интересно было бы узнать мнение милиции по этому поводу.

Я немного задумалась. Если мне нужна информация о действиях милиции, то обращаться надо, конечно, к Кире, но в праздник... да еще после того, как проигнорировала его семейный юбилей... Я вздохнула, но все же набрала Кирином номер и долго ждала, когда к трубке кто-нибудь подойдет.

– Да? – наконец прозвучал такой знакомый голос.

– Алло? Это милиция? – старческим голосом спросила я в трубку. – У меня украли моего Пуфика.

– Какого Пуфика? – не понял Киря.

– Как какого? – удивилась я, словно вся милиция города, а может, и всей страны просто обязана знать «моего Пуфика». – Собачка моя, болонка. Убедительная просьба, примите все необходимые меры к задержанию преступника. Особые приметы: ходит в форме подполковника милиции, волосы светлые, стройность относительная, среди своих известен

под кличкой Кирия.

– Татьян, ты, что ли? – наконец-то догадались на том конце провода. – Ну ты даешь, я ж ведь правда поверил, что со мной впавшая в детство старушка разговаривает.

– Долго соображаете, Владимир Сергеевич.

– Да ладно. Ты чего звонишь-то?

– Голос твой хотела услышать. Соскучилась.

– Ты это кому-нибудь другому говори. Голос мой тебя несколько не волнует и не волновал никогда, так что выкладывай сразу, что тебе надо.

– Хорошо, буду объясняться кратко, но емко. Вчера убийство на Соколовой было, особу с фамилией Шадрухина ножом зарезали. Ты по своим каналам не узнаешь, что там ваши по этому поводу накопили?

– Никак ты конкурировать с нами собралась, наши дела раскрываешь?

– Уж больно слезно заказчица меня просила.

Кирия рассмеялся на том конце провода, сказал, что постарается помочь мне, и положил трубку. Оставалось только ждать.

Вода в ванне стала уже остывать, и я решила выбраться в естественную среду обитания. После ванны особенно приятен был мягкий ворс махрового халата. Я запахнула его поглубже и прошла в комнату. Да, не мешало бы шкаф мой заселить обратно теми платьями, что так привольно расположились по всему залу.

Я подошла к одному из них, взяла в руки, но мысли о новом деле вновь завладели моей головой. Неплохо было бы завтра сходить к Смотрову и Качалову, двоим парням, которые не пришли к Хрусталеву на день рождения. Конечно, не факт, что они были в тот вечер с Датским, но проверить надо.

Звонок телефона прервал мои мысли, когда я сидела на диване все с тем же платьем в руках. Я ринулась к нему, как к родному, по пути заметив, как оперативно действует наша милиция в лице Владимира Сергеевича Кирьянова, поскольку часы показывали, что прошло меньше пяти минут после нашего разговора.

– Таня, могу тебя обрадовать: я узнал, этим делом занимается наш общий знакомый Папазян. Так что лучше тебе с ним поговорить. Не слышу бурной радости и благодарных восклицаний.

Последнюю фразу Киря произнес с некоторым недоумением, поскольку я не торопилась что-либо говорить, мысленно проклиная свою судьбу.

– Спасибо, Киря, – кое-как выдавила я из себя и, попросившись, положила трубку.

Я так и осталась стоять, гипнотизируя взглядом телефон. Наконец я собралась с духом и взялась за трубку. В голове неожиданно возник план. Я набрала номер.

– Лена? Привет, с праздником тебя, – поздравила я давнюю свою подругу, с которой мне редко приходилось видеться из-за того, что она живет аж в Трубном районе. Телефон

для нас является чуть ли не единственным средством общения. – Ужасно соскучилась по нашей с тобой болтологии. Столько времени не виделись! Так вот, по той причине, что сегодня женский праздник, а мы с тобой являемся по всем признакам женщинами, предлагаю посидеть и отметить это замечательное событие. У тебя? Отлично. Только мне нужно немного времени, чтобы решить один вопрос. Позвони мне часа через два, и тогда я соберусь и сразу же поеду к тебе. Договорились?

Теперь уже с более легким сердцем я сделала следующий звонок.

– Солнце мое, – послышалось на том конце провода после моих первых слов, – неужели твоя подруга успела выздороветь?

* * *

Я быстро сортировала одежду, часть складывая на полки шифоньера, часть вешая на вешалки, когда в дверь позвонили. Собрав в охапку то, что не успела разложить и повесить, я утрамбовала все сразу на одну из полок и пошла открывать.

– А вот и обещанная роза с гор, – проговорил Папазян, вручая мне коробку конфет.

«Альпийский цветок», – прочитала я название. Остроумно.

Предложив Гарику войти, пошла на кухню смотреть, что

там делается с пельменями. Под крышкой кастрюли булты-халась в кипятке продукция замечательной компании «Дарья», без которой мне никак не удалось бы за полчаса придумать что-нибудь на стол, поскольку мой холодильник, как и моя газовая плита, зачастую бывают обделены вниманием своей хозяйки. Меня не сильно волновало то обстоятельство, что к принесенной Гариком бутылке шампанского придется подавать пельмени. Папазян не гордый, а к тому же, по моему мнению, мужчина в полном расцвете сил и с ментовской зарплатой съест все, что угодно, не говоря уже о таком деликатесе, как пельмени.

Я выудила из кипящей воды пельмени, цивилизно разложила их на тарелке и поставила на стол. Потом заглянула в холодильник. Там одиноко стояли майонез и бутылка подсолнечного масла. Решительно отказавшись от второго, я прихватила с собой майонез, поругав себя за то, что опять забыла купить кетчуп. В любой другой день я нисколько не расстроилась бы по этому поводу, но сейчас, когда хорошее расположение Гарика ко мне было столь необходимо, не помешало бы, чтобы содержимое моего холодильника было более разнообразным.

Гарик сочувственно посмотрел на мои тщетные потуги уставить стол чем-нибудь съестным и поставил на табурет пакет, с которым пришел. Помимо остальных продуктов, там оказался и кетчуп. Неплохо.

Дальше пошло как по накатанной дороге: поздравления,

тосты, перемежающиеся перерывами на пережевывание пищи. Гарик, вдохновленный возможностью наконец-то побыть со мною наедине, не успевал произносить комплименты.

– Над чем сейчас работаешь? – словно невзначай спросила я.

– Так, ерунда. Ненормальный малолетка с перепоя прирезал тетушку, причем сам не помнит, как это случилось. А что это тебя заинтересовала моя работа? Она мне и без того надоела. Может, выберем другую тему? – протягивая руку к моей, проговорил Папазян.

– Профессиональный интерес, – бегло сказала я, высвободив руку якобы для того, чтобы подложить на тарелки еще пельменей, и продолжила свой допрос: – Если не помнит, может, и не он вовсе прирезал? Может, его подставили?

– Может, и подставили, – пережевывая «Дарью», промямлил Гарик, – только все улики против него.

– Какие?

– Эй, красавица, – отложив вилку в сторону, Гарик поднял на меня хитрые глаза. – Все улики говорят, что работа моя тебя неспроста заинтересовала. Рассказывай по порядку, в чем дело.

Гарик победоносно откинулся на стуле, гордый тем, что так меня раскусил. А мне того и надо было. Расхожее мнение, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, слишком однобоко. Помимо подкормки, нужно постоянно

показывать мужчине, будто ты глупее его. И тогда, «раскусив» твои намерения, он будет горд собственной прозорливостью, а потому добр. Вот тут-то и нужно действовать. Недолго думая, я вкратце рассказала ему о своем деле.

– Фантастика! – удивился Гарик неожиданному совпадению. – Значит, мы с тобой над одним преступлением работаем? Это дело нужно сбрызнуть.

Он хитро прищурился, оценивая то ли свою новоиспеченную конкурентку, то ли старую свою мечту по поводу меня, и вылил остатки шампанского в фужеры. Пена попробовала дезертировать на скатерть, но сил ей не хватило, и она медленно стала оседать, недовольно побрызгивая. Я нетерпеливо пробежала пальцами по столу, изобразив нечто напоминающее азбуку Морзе. Гарик все понял. Он глубоко вздохнул, поняв, что покой ему только снится, и стал рассказывать.

Кое-что мне уже было известно, но я услышала и совершенно новую информацию. Так, я узнала, что смерть Шадрухиной наступила в промежутке между девятью и десятью часами вечера. Датский как раз успевал к ней после посещения квартиры Хрусталева. Но успевал только в том случае, если поехал сразу же к ней, квартирка-то на другом конце города. Отпечатки пальцев там только его, поэтому маловероятно, что с ним еще кто-то был в квартире. Да и орудие убийства – складной нож – оказалось в кармане Датского. Опять же с его пальцами. Так что сомнения по поводу его

вины, по-видимому, только у матери обвиняемого да у меня. Утром мертвую Шадрухину и мертвецки пьяного Датского нашел муж убитой. Он же и сообщил в милицию. Говорит, вернулся из командировки и наткнулся на такой сюрприз. С мотивом преступления у ментов напряженка: совершенно непонятно, зачем Датскому понадобилось убивать совершенно незнакомую женщину.

– А ты что раскопала по этому делу? – в завершение своего рассказа спросил Гарик.

Говорить о своей версии не хотелось: не люблю делиться информацией в процессе работы. Вот после того, как раскрою дело, тогда пожалуйста, все, что хотите, а сейчас...

Телефонный звонок избавил меня от необходимости лгать и выкручиваться. Судя по времени, это должна была быть дорогая моя подружка Ленка-француженка.

– Да? Понятно. Сейчас еду, – сказала я трубке и повернулась к Папазяну: – Ну вот, я тебя предупреждала: мне действительно придется ехать к больной подруге. Это она звонила.

Гарик, уже догадываясь, что последует за звонком, смотрел на меня глазами побитой собаки и машинально гонял вилкой по тарелке последний пельмень. Я безнадежно пожалала плечами.

– Понял, понял, – сказал Папазян, нехотя вставая из-за стола, – родимый дом меня заждался.

Глава 3

Утро оказалось пакостным. Не потому, что погода подвела, а просто мне тяжело было поднять голову с подушки. Хотелось никогда не просыпаться, чтобы не чувствовать этой тяжести в голове. Словно она превратилась в железную наковальню, и моих женских сил никак не хватало, чтобы такой огромный груз носить на плечах.

За окном, радуясь совсем уже весеннему солнцу, весело чирикали воробьи, и их голоса набатом отзывались в моем мозгу. Вчера мы с Ленкой засиделись в кафе допоздна, чего, как я теперь видела, делать не следовало. Но я заставила себя встать и приготовила кофе. И здесь бразильское чудо пришло на выручку: мне стало лучше – и вернулось простое желание жить, а вместе с ним и желание работать. Чуть прохладные струи душа окончательно привели меня в себя.

Прежде чем начать обдумывать действия на предстоящий день, я позволила себе еще немного расслабиться и отодвинуть во времени этот момент. Мои магические помощники из мешочка в мгновение ока оказались в руках, и я бросила двенадцатигранники на стол. Может, от плохого самочувствия, может, еще по какой причине, но ладонь у меня дрогнула, и одна из костей, прокатившись по всей длине стола, прыгнула на пол, спрятавшись под диван.

Вот это здорово! Как же я буду смотреть ее цифровое зна-

чение? Переворачивать-то кости нельзя! Вся надежда на то, что удастся подтолкнуть и выкатить косточку. Но для начала надо ее найти. Я опустилась на колени и заглянула под диван: ничего не видно. А если попробовать с фонариком?

Вскочив с колен и попутно бросив крепкое словцо в адрес диванов, неправильно расставленных по квартире, я прошла в коридор и открыла нишу, где, кроме нужных вещей, пылился, ожидая своего звездного часа, и разный хлам, который выбрасывать пока было жалко. Если память мне не изменяла, фонарик должен был находиться где-то в районе второй полки сверху. Я пошарила по ней рукой и наткнулась на масленку с машинным маслом. Неприятный запах от ладони вызывал ощущение тошноты. Пришлось пойти как следует помыть руки.

Наконец фонарик был найден. Приняв позу верующего фаната, отвешивающего поклоны перед иконой, каковую заменял мне в данный момент диван, я посветила. На мое удивление, залежи пыли были не столь уж доисторическими, как я того ожидала. Но искомый двенадцатигранник, естественно, лежал у самой стены. На всякий случай я все же попробовала дотянуться до него, но безуспешно: диван довольно низко сидел на маленьких ножках. Оставался один выход.

Я встала и, напрягая все свои силы, начала двигать диван. В этот момент я ясно почувствовала, что жизнь наша состоит не только из удовольствий. Почти сразу позвоночник старчески заныл, требуя прекращения подобной пытки. А ведь

был бы мужчина в доме, не пришлось бы мне так надрывать-ся. Вот почему женщины замуж выходят!

Наконец диван нехотя сдвинулся с места, прочертив две полосы на линолеуме. Протиснувшись боком в образовавшийся узкий проход, я подняла двенадцатигранник и посмотрела на выпавшее число – двадцать четыре. И на косточках, лежащих на столе, выпало тридцать три и семь. Все вместе это сочетание означало следующее: «Вы найдете удачный выход из затруднительного положения».

Ну что ж, ради такого хорошего предсказания стоило поупражняться в тяжелой атлетике. Окрыленная приятной новостью, я почти легко задвинула диван на место и, чтобы вернуть потраченные силы, налила себе еще чашечку кофе. А затем с наслаждением удобно расположилась в кресле. И тут же мысли стаей начали роиться в голове.

Каков план на сегодняшний день? Неплохо было бы посетить место, где была убита Шадрухина. И с ее мужем поговорить не мешало бы. Я налила себе еще чашку кофе и тут же, на кухне, прикурила сигарету. Любимые сигареты были куплены уже на те деньги, которые оставила мне Датская на необходимые в расследовании расходы. Но совесть моя по этому поводу нисколько не протестовала, наоборот, сидела себе глубоко в душе и не пыталась вырваться на свет божий. Как она, так и я придерживаемся одного мнения: то, что каким-то образом может помочь в моей работе, попадает под ту категорию, которую я называю «текущие расходы». Сига-

реты обостряют мой мыслительный процесс, помогают думать, потому они по всем статьям под эту категорию подпадают. Они для меня – все равно что скрипка для Шерлока Холмса.

Ментоловый дым приятно щекотал ноздри. Двух сигарет вполне хватило, чтобы мысленно набросать примерные вопросы к мужу Шадрухиной, а также для того, чтобы придумать легенду для ее соседей по дому, которая помогла бы заполучить от них наиболее полную информацию. Легенда была проста, как все логичное. Затушив последний бычок, я поднялась с табурета и пошла одеваться.

Сегодня мне нужно было выглядеть моложе собственно-го возраста. И намного. Я раскрыла створки шифоньера и исследовала собственный гардероб. Для поставленной самой себе задачи нужно было выбрать что –нибудь молодежное, но не вызывающее. Пожилые обитательницы дворовых лавочек любят такие наряды обсуждать, но с девушками, облаченными в них, общаются с неохотой. Значит, мини-юбка здесь не поможет. Остается одно – брюки. Я еще немного подумала и достала джинсы: самое оптимальное решение для юной особы, только что приехавшей из глубинки. Яркий, несколько безвкусный свитер дополнил картину. Оставалось только надеть кроссовки и короткую дутую куртку, из-под которой кричащим пятном выглядывал свитер.

Одевшись таким образом, я одобрительно кивнула себе в зеркало и вышла к машине. «Девятка» моя, спотыкаясь

на колдобинах, отправилась преодолевать раскисшие весенние дороги. Улица, на которой жила Шадрухина, находилась не очень далеко от центра, что порадовало меня. Машина, думаю, тоже осталась довольна: дорога была относительно сносной. Но все равно из-под колес разлетались по сторонам брызги, и пешеходы выказывали чудеса ловкости, с удивительным проворством увертываясь от мутно-серых капель.

Немного не доезжая до нужного мне дома, я остановила машину и отправилась дальше пешком. На плече у меня висел заранее приготовленный рюкзак, набитый необходимыми для частного детектива мелочами, вроде «жучков» или небольшого магнитофона, а также кое-каким тряпьем для объема. Можно было подумать, я только что сошла с пригородного поезда или автобуса.

Ноги разъезжались на раскисшем снегу, и я пару раз чуть не упала. Как же некоторые обходятся без машин в такую погоду? Появление дома под номером тринадцать, который я и искала, обрадовало меня несказанно: конец пути.

Во дворе царила суета: то тут, то там можно было увидеть заплаканные лица, кто-то вошел в подъезд с венком, перевязанным траурной лентой. На лавочках все места были заняты. А те, которые не уместились на них, топтались рядом, посматривая на прохожих и одновременно разминая ноги, стараясь не замерзнуть. Пожилые и совсем уж старенькие соседки высыпали из своих квартир, почитая долгом своим не пропустить такого значительного, происходящего во дворе

события, как похороны, – ведь сегодня третий день со дня смерти Шадрухиной.

Я подошла к самой густонаселенной лавочке и наигранно наивно спросила:

– Вы не скажете, в каком подъезде шестьдесят четвертая квартира?

Вместо того чтобы ответить, бабушки стали проводить свою политику, выведывая необходимую им информацию.

– Никак, к Шадрухиным, дочка, приехала? – спросила маленькая и шустрая старушка, с глазами, окруженными веселыми лучиками-морщинками.

Никогда я не была в восторге от той части населения, которая находится на заслуженном отдыхе и от безделья заседает в импровизированной дворовой «Думе» – на лавочках возле подъездов, но эта старушка располагала к себе с первого взгляда.

– Да, погостить, пока в институт не поступлю, – словно ничего не зная, ответила я.

– Погости-ить? – удивилась моей неосведомленности бабулька. – Боюсь, не вовремя ты это затеяла.

– Почему?

– Так тебе что ж, не сообщили? Горе у Шадрухиных. Большое горе.

Я изобразила тревогу на своем лице и неуверенно поинтересовалась, что произошло. Старушка хотела было сразу выпалить будоражащую последние дни всех новость, но потом,

верно решив, что меня это может сильно задеть, осторожно поинтересовалась, близкая ли я родственница Шадрухиным да по чьей линии.

Говорить, будто убитая мне близка, ни в коем случае нельзя было: тогда бабки могут побояться сообщать всю правду, чтобы не травмировать меня. А вдруг я слишком близко к сердцу приму новость, тогда ж меня и откачивать, чего доброго, придется. Да и с моей стороны нужно будет разыгрывать трагедию, а это сложнее. Поэтому я представилась так:

– Вообще я им двоюродной племянницей считаюсь.

Такое родство шустрой, с лучиками у глаз бабушке показалось вполне приемлемым, чтобы без опаски продолжить разговор. Она поправила берет на голове, довольная возможностью посплетничать с новой слушательницей, и поведала о смерти Шадрухиной и о том, что здесь не иначе как убийство. Я изо всех сил старалась изобразить расстроенный вид, но в меру. Будто я не столько досадовала по поводу смерти двоюродной тетушки, сколько по поводу обломившегося бесплатного жилья. Лица старушек немного картинно опечалились.

– Как же так могло случиться? – спросила я, поглощенная своим «горем».

– Откуда ж нам знать-то, дочка.

Чувствовалось, что обитательницы лавочек раскрывать свои секреты не сильно стремились, но на этот случай у меня имелся один прием, который со старушками практически

всегда срабатывал. Нужно было бросить ложную информацию, причем такую, чтобы она несколько расходилась с их знаниями по этому поводу. Только тогда отстоять собственную точку зрения старушки почтут своим долгом. А мне остается делать вид, будто я думала так лишь по неведению и не откажусь услышать истину из достоверного источника, каковым и является собравшаяся компания.

– Мама говорила, она красавица была, и за нею всегда хвостом ходили мужчины. Может, какой приревновал?

Предположение было довольно-таки наивным, тем более что я вообще представления не имела, как выглядела Шадрухина. Она могла оказаться и крокодилком в юбке. Но в данной ситуации именно такая версия должна была сработать, поскольку собеседницы мои, несмотря на свой неопределенно далекий от молодости возраст, все еще оставались женщинами. А редко какая женщина согласится с тем, чтобы при ней хвалили внешность другой, даже если та действительно достойна похвалы.

– И-и, – протянула старушка с лучиками и шмыгнула носом – хотя на улице и стояла оттепель, но сидеть на лавочках было еще холодновато, – не спорю, может быть, лет двадцать назад мужики по ней и сохли, но последнее время разве что слепые на этакую красавицу позариться могли. Да и не в том возрасте Светка была. Это вы, молодые, из-за любви то с мостов прыгаете, то таблетки глотаете, а здесья другая причина оказалась.

– Какая же? – жадно слушая, спросила я.

– Знамо какая – деньги, – без тени сомнения вставила в разговор бабуля, стоявшая у самого края лавочки. За время беседы она несколько раз порывалась что-то сказать, но все время ее перебивали. – Думаешь, твоя тетка просто так разбогатела? – немного понизив голос, сказала она и многозначительно кивнула головой в неопределенную сторону.

Я на всякий случай пошарила глазами в районе кивка, но ничего примечательного не обнаружила. Окололавочный народ одобрительно закивал. Кажется, начинало что-то проясняться. Я наострила уши и продолжила игру:

– А что?

– Что, что, – передразнила меня собеседница, – деньги-то, милая, на деревьях не растут и с неба тебе на голову не сыплются, а потому ни с того ни с сего, сама понимаешь, появиться не могут. А тут ходила Светка, как мы, голозадая, ветер в кармане гулял, и вдруг на тебе: фирму открыла. Вот теперь и соображай, откуда у некоторых деньги берутся, если их потом при загадочных обстоятельствах убивают.

– Да что ты мелешь, – возмутилась довольно молодая для своей компании женщина, по-видимому редко появлявшаяся в районе лавочки, – парнишка пьяный ее прирезал. Видно, с перепоею не в ту квартиру забрел, а Светлана Георгиевна подумала, что воры.

– И зачем же он тогда возвращался? – хитро прищурив глаз, спросила прежняя старушка. – Вот рассуди сама, – вхо-

дя в раж, обратилась она ко мне, ища поддержки. По всей видимости, среди своих подруг бабка уже сотню раз обсудила эту тему, приобрела сторонников и, может быть, противников, а теперь старалась еще и меня обработать и привлечь на свою сторону. – Я живу в соседней квартире и сплю чутко, мышь не пробежит. И в ту ночь я, значит, легла пораньше, часов в девять, потому как голова разболелась и ноги крутить стало. У меня их всегда крутит, когда погода меняется. Легла я, значит... а кровать-то моя у самой той стенки, что общая у нас с Шадрухиными... и слышу: Светка чавой-то там кричит, за стеной-то. Мне ж, конечно, до ее жизни дела мало. С кем она ночи проводит, мне без надобности знать, только муж-то ейный в командировку уехал. А кроме Светкиных криков, еще и мужские голоса слышны были. Смекаешь?

Я еле удержалась от соблазна спросить у нее, сколько их было, мужских голосов, но перебивать сейчас такую хорошую рассказчицу ни в коем случае не следовало: могла замолчать насовсем, обидевшись.

– Я ухом-то прижалась к стенке. Слов разобрать нельзя было... и то, не молодая, уши уж не те... но поняла: ругались они, и ругались шибко. Верно, чего не поделили. А потом замолкли, я уж думала, совсем ушли. Заснула, значит, я. И так хорошо, крепко уснула. И сон какой-то увидела... – Старушка сморщила лоб, припоминая, что же ей привиделось. – Точно, был сон, – так и не вспомнив, какой именно, заклю-

чила она. – А потом слышу – шумят на лестнице. Пьяные какие-то, и к Шадрухиным. Я и проснулась. Только поздно встала, в «глазок» уже ничего не видно было. Да. Пошумели они еще немного в квартире, и потом двое тихо так вышли. А третьего забыли, значит, а может, специально оставили, чтобы самим не отвечать.

– Вы их видели? – спросила я, когда рассказчица замолчала.

– Нет, милая. Говорю ж, тихо ушли.

– Как же ты, Петровна, определила, что их двое ушло? – недоверчиво спросила та, с лучиками.

– Знамо как, – не смутилась соседка убитой, – по голосам. Трое разговаривали, когда к Шадрухиной в дом входили.

– И ты, глухая, разобрала? – не сдавалась «лучистая».

– Да вот разобрала, – обиженно ответила Петровна и, надувшись, замолчала.

Теперь я подосадовала на то, что рядом оказалась эта «веселая» старушка, которая сразу мне так понравилась. Я посмотрела на нее внимательнее: ничего особенного, стандартная сплетница. А теперь из-за нее я рисковала потерять такой хороший источник информации.

– Почему же вы решили, что эти трое убили тетю Свету из-за денег? – спросила я в надежде, что старушка обиделась все же не настолько, чтобы не пожелать ответить.

Но ошиблась. Петровна предложила спросить у той, которая перебила ее, мол, она больше знает, и продолжила свое

гордое молчание. С разных сторон посыпались версии происшедшего. Петровна слушала всех, скептически ухмыляясь, затем не выдержала «ложной информации» и все-таки высказала свое мнение:

– Ихние это деньги были, на которые Светлана фирму открыла. Она у них заняла, а отдавать передумала, вот они и пришли. Сначала, как положено, поугадили, а когда она отказалась долг-то вернуть, они сходили, у главаря своего спросили, что им дальше делать, а потом вернулись, чтобы убить.

– Откуда ж тебе это, Петровна, известно? – не унималась маленькая.

– Дедуктивный метод, – гордо произнесла та слышанные некогда слова, смысл которых был для нее столь же туманен, как и история, произошедшая в соседней квартире.

* * *

Поговорить с мужем Шадрухиной мне не удалось: нервный и бледный, он сидел у гроба покойной и избегал встречаться взглядом с входящими. Не хотелось в такой день приставать к человеку со своими вопросами, и я решила отложить беседу с ним на следующий день. Но вышла я из квартиры не сразу.

Дверь ее была раскрыта нараспашку, и все желающие протиснуться с покойной толпой окружали гроб и сидящего рядом с ним вдовца. Я протиснулась в самую гущу и, повернувшись

лицом к гробу, заняла максимально удобную позицию: с одной стороны, мне было слышно все, о чем говорят вокруг меня, с другой – я могла без боязни показаться неприличной или подозрительной разглядывать Шадрухина.

Пока ничего интересного не доносилось от окружающих меня людей, я попробовала определить характер вдовца. Это могло пригодиться впоследствии. Шадрухин сидел на краешке стула и смотрел вверх гроба, словно не решаясь опустить глаза на жену. Лицо его, припухлое, с по-детски наивными глазами, было жалким, как у побитой собаки. Мне он совершенно не понравился: безвольный, словно и не мужчина. Таких обычно выбирают властные женщины и держат под своим каблуком. А они с завидным терпением переносят все помывкания, лишь изредка тихонько поругивая жену.

Взгляд мой скользнул на ворот рубашки вдовца и наткнулся на бледно-розовый след от губной помады. А вот это интересно. Печальные родственницы, даже если в их семейные традиции входит лобызать друг друга при каждой встрече, все равно не смогли бы так промахнуться мимо обширной щеки вдовца. Окинув взглядом весь костюм Шадрухина, я не нашла более ничего примечательного и переключилась на посетителей, с разной степенью достоверности изображавших искреннее горе. Это, кстати, очень удобный способ определить, кто окружал покойного при жизни.

Родственников от друзей и знакомых легко было отличить: они находились в квартире постоянно, отлучаясь из

комнаты лишь ненадолго. Остальные же, отдав дань памяти умершей, спешили выйти на свет божий, подальше от навевающих тоску настроений. А еще они отличались тем, что знакомые, забежавшие на минутку, были упакованы что надо, в смысле одежды, мобильных и ожидавших во дворе тачек, родственники же выглядели куда как проще. Судя по кругу, из которого вышла Шадрухина, ей на славу пришлось потрудиться, чтобы открыть свое дело.

Разглядывая всех в доме, я наткнулась на обращенный ко мне пристальный взгляд мужчины, довольно молодежавого, с приятными ямочками на щеках. Кстати, именно ямочки его и молодили. Мужчина откровенно рассматривал меня, а заметив, что я обернулась к нему, широко и как-то приглашающе улыбнулся, нисколько не смущаясь неподходящего момента для этого. В другое время я бы, может, и отреагировала на его улыбку, но соседство покойника на флирт не вдохновляло. К тому же на нас стали обращать внимание те необъятные тетушки, которые за неимением личной жизни всегда обсуждают чужую. За спиной уже стали спрашивать, кем я являюсь убитой.

Пора было уходить. Я подошла ближе к гробу и посмотрела в лицо Шадрухиной, словно прощаясь с ней. А она и впрямь оказалась отнюдь не красавицей.

Бросив мимолетный взгляд на мужчину с ямочками, я проследовала в коридор. Он все еще смотрел на меня. Я хотела уже выйти из квартиры, но еще одна вещь задержала

меня. Вешалка. На ней одиноко висело демисезонное пальто серого цвета. Гости проходили в дом не раздеваясь. Что, если это пальто хозяина?

В коридоре никого не было. Я быстро нашарила внутренний карман и залезла в него рукой. Там лежал бумажник, визитная карточка и железнодорожный билет. Оставив первое без внимания, я прихватила с собой билет с визиткой и еще раз обернулась. У двери в коридор стоял все тот же мужчина. Поняв, что меня в любой момент могут посчитать за вора, я улыбнулась ему своей самой широкой улыбкой, достойной Голливуда. Мужчина понял, чего я хотела, и приложил палец к губам. Этого мне только и надо было. Я поспешно вышла в подъезд и быстрым шагом отправилась к машине.

Глава 4

По дороге в общежитие, где жили друзья Датского Смотров и Качалов, которые не пришли к Хрусталеву на праздник, я так задумалась над полученной информацией, что проскочила перекресток на красный свет. Ошалевший мужчина на бежевой «Ауди», чудом увернувшийся от моей «девятки», крикнул вослед непечатным текстом. Я, конечно, понимала, что нарушила правила и создала аварийную ситуацию, но даже в таком случае позволить себя унижить никак не могла. На мое счастье, доблестных сотрудников ГИБДД поблизости не наблюдалось. Я резко затормозила и подала назад. Мужчине с непечатным лексиконом второй раз пришлось уворачиваться от моей машины. Его растерянно-сосредоточенное лицо в «момент опасности» несказанно меня позабавило, после чего, успокоенная, я поехала своей дорогой.

Какая-то смутная тревога вдруг охватила меня. Я подумала, что это из-за пережитого волнения в доме Шадрухиных, и, отогнав от себя предчувствие, вернулась к перевариванию полученной информации, вспоминая в первую очередь слова Петровны о троих мужчинах, которые были в квартире в день убийства. Уж больно они перекликались с рассказом Хрусталева – два друга его и Датского вообще не пришли на вечеринку, а Аркадий ушел с нее рано. Но если допустим,

что это они убили Шадрухину, то зачем им было возвращаться на место преступления? Ведь, исходя из слов той бабки на лавочке, можно сделать вывод, что убийство произошло во время первого их визита. Что они там могли забыть? И почему не увели своего друга? Подставить хотели?

Впереди был поворот, и я посмотрела в зеркало, проверяя, не обгоняют ли меня. И опять предчувствие тревожно кольнуло, второй раз. Это не могло быть простым совпадением. Знаю, предчувствия – не самый надежный метод работы детектива. Они – не улики. Но я все чаще убеждаюсь в том, что они практически никогда меня не обманывают. И я привыкла доверять своим предчувствиям.

Пытаясь разобраться, что же меня встревожило, я поехала медленнее, постоянно посматривая в зеркало заднего вида. Машины, не согласные с таким темпом, стали меня обгонять. Кроме одной. Я поднапрягла память и вспомнила: эту вишневую «десятку» я видела и на перекрестке, когда чуть не врезалась в «Ауди», и во дворе дома Шадрухиных. Слежка. Что ж, это уже интересно. Поглядим, кто кого.

Улица, по которой я ехала, была недалеко от центральных. Там, конечно, дороги получше, но не разгонишься из-за слишком большого количества транспорта. Выезжать куда-либо на окраину также смысла нет – можно заглохнуть в первой попавшейся канаве. Оторваться будет сложно, если только...

Я хитро улыбнулась и резко повернула на проспект Стро-

ителей. «Десятка» со скрипом затормозила – не ожидали в ней резкой смены маршрута – и завернула следом. Я нажала на газ, прибавив скорость.

В планы мои входило выехать на кольцевую, и я вырулила еще на один поворот. Машина шла ходко, без запинок, и я впервые с благодарностью подумала о техосмотре, из – за которого мне на днях пришлось отдавать свою «девятку» в ремонт. Если бы не он, чихал бы сейчас мотор, как простуженный.

До Кольцевой оставалось совсем немного, и я сбавила скорость. И сбавила изрядно, перейдя на вторую передачу. «Десятка» сзади тоже притормозила. На Кольцевую я выехала чуть ли не ползком. В жизни так медленно не ездила. «КамАЗ» с огромным прицепом, не соглашаясь с такой пешеходной скоростью, обогнал моего преследователя и уже намеревался проехать мимо меня.

Вот тогда и наступил самый ответственный момент, которого я ждала. Я всю надавила на газ и резко прибавила обороты. «Десятке» же мешался «КамАЗ», что и помогло мне в задуманном. Повернув по кольцу обратно, я быстренько проехала круг и пристроилась в хвосте у своего преследователя. Роли радикально поменялись, и следить стала я.

«Умничка, Танюха», – похвалила я себя.

Сразу мне представилось, какая сейчас в «десятке» паника, и стало весело. Машина моих бывших преследователей поехала быстрее, в надежде оторваться от меня, но не

тут-то было. От Татьяны Ивановой так просто не уйдешь, для этого нужно сильно попотеть. А водитель «десятки» оторваться никак не мог, поскольку явно не решался превысить скорость, допустимую в городских условиях. Законопослушным оказался. Я посмотрела по сторонам и, не заметив поблизости доблестных стражей порядка, стала как бы наступать «десятке» на пятки – чуть ли не к ее заднему бамперу подъехала.

Вишневая «десятка» подмигнула мне поворотником и, прижавшись к обочине, остановилась напротив «Трактира на 75-й». Я немного пожалела, что развлечение закончилось, но радость победы меньше от этого не стала. Я припарковала машину позади и стала ждать, когда выйдет мой теперь уже бывший преследователь. Первой выходить я не собиралась – он мог неожиданно дать газу, и я потеряла бы время, садясь обратно за руль, чтобы рвануть вслед.

Несколько минут ничего не происходило, и я уже подумала было, не покурить ли мне, ожидая. Но тут дверца «десятки» открылась, и из нее вышел водитель.

«Так-так...» – усмехнулась я, когда увидела, кто направлялся в мою сторону.

А он подошел к моей машине и улыбнулся своей очаровательной улыбкой, отчего ямочки на щеках заложились еще глубже. Наверняка знает, что в нем нравится женщинам.

Я опустила стекло.

– Извините, не знаю, как вас зовут, поэтому не могу об-

ратиться к вам по имени. Но все равно приглашаю вас посидеть в трактире. У меня есть неплохая тема для разговора, который может вас заинтересовать, – сказал мужчина, которого я впервые увидела в квартире Шадрухиных.

Он облокотился на крышу моего автомобиля и склонил голову к самому окну. Хотя улыбка оставалась все такой же широкой и привлекательной, глаза его смотрели цепко, стараясь уловить все детали. Нет, пожалуй, я ошиблась, решив, что улыбки и взгляды мужчины – признаки флирта. Здесь что-то посерьезнее. Я попробовала открыть дверцу, но его локоть помешал. Чуть помедлив, мужчина не торопясь, словно нехотя, отодвинулся от моей «девятки», и только тогда я смогла выйти. Он вел себя так, словно разговор этот нужен был в первую очередь не ему, а мне. Ладно, посмотрим, что за тема имелась в виду.

С досады громко хлопнув дверцей, я первой вошла в трактир. Внутри было уютно, что несколько удивило меня: в нашем городке, насколько я знала, приличные заведения сосредоточены на двух центральных улицах. Столик у стены, подальше от входа и акустических колонок, пустовал. Я подошла к нему и села лицом к входной двери, чтобы по возможности видеть всех посетителей.

– Кофе? – спросил мой собеседник.

Я украдкой бросила взгляд на часы – половина первого. Вполне можно что-нибудь перекусить, к тому же хотелось сбить спесь с гражданина с ямочками. Меню лежало на сто-

ле, и я, открыв его на первой странице, пробежала глазами по самым дорогим блюдам.

– Да, кофе и кальмары в винном соусе, – сказала я, хлопнув меню.

Мужчина усмехнулся, заглянул в свой бумажник, после чего только позвонил официанту. За дверцу в машине я отомстила.

– О чем будет разговор? – спросила я, дожидаясь халявного обеда.

– О господине Шадрухине. Вам же нужна информация о нем?

– С чего вы взяли? – вяло блефанула я. Конечно, он не дурак и догадался, что я что-то вынюхиваю, когда застукал меня в коридоре.

Мой собеседник еще раз усмехнулся, не удостоив ответом на такой глупый вопрос.

– Что ж, если не хотите, я могу и при себе оставить кое-какие доказательства.

Мне нужно было обдумать ситуацию, и я достала сигарету в надежде потянуть время. Зажигалки со стороны собеседника не было предложено, пришлось обойтись своей. Дым «Парламента» приказал извилинам шевелиться быстрее. Мужчине явно что-то от меня было нужно, иначе он не гонялся бы за мной по городу, не платил бы за обед. Отсюда вывод – можно поторговаться. Подошла официантка и поставила передо мной тарелку.

– Пожалуйста, – спокойно ответила я на его легкую угрозу, как ни в чем не бывало с аппетитом принялась за обед.

Ела я увлеченно: оказалось, что я успела проголодаться, к тому же блюдо действительно стоило заплаченных за него денег. Создавалось впечатление, будто собеседник меня не интересует. Хотя это было совсем не так. Я решила любой ценой вытянуть из него обещанные доказательства.

– Вам не интересно, кто я такой? – Мой визави попробовал подойти к вопросу с другой стороны.

– А вы мне это скажете?

Мужчина рассмеялся.

«До чего ж веселый гражданин: то смеется, то улыбается», – язвительно подумала я.

– Да, скажу. Я частный детектив.

Тут пришла моя очередь удивляться. Чего-чего, а такого я не ожидала. Я посмотрела на него пристально, после чего задумчиво продолжила трапезу.

– Шадрухина, в квартире которой мы с вами недавно были, подозревала своего мужа в измене и наняла меня следить за ним. Работа не бог весть какая, но деньги приносит. Вы еще не начали подозревать мужа Шадрухиной?

Я не знала, как ответить на этот вопрос. Уткнув нос в чашку с кофе, я «увлеклась» им, словно забыв о беседе. Ну просто такой вкусный кофе тут оказался, что не оторваться от чашки и никак не ответить.

– Понял, не хотите отвечать, – сделал свой вывод мой со-

беседник. – Если вдруг заподозрите его в совершении убийства, позвоните мне, – он бросил на стол визитку.

«Сергей Сергеевич Скляренко, детективное агентство „ССС“», – прочла я про себя.

– У Шадрухина алиби, – взяв в руки и рассматривая визитную карточку, сказала я.

– Это вы о командировке? Выходит, вы еще не успели посмотреть тот билет, что вынули из кармана пальто. Советую сделать это прямо сейчас.

Я достала билет и прочла на нем все надписи. Он был датирован пятым марта. А Шадрухина убили вечером шестого. Вот это новость. Из этого следует, что муж убитой приехал из командировки не на следующий день после убийства, а двумя днями раньше. И еще скрыл это от следствия. Здорово.

– Ну что? Вы все еще не хотите узнать, где был Шадрухин в момент убийства? – с ноткой победителя спросил Скляренко.

– Смотря что вы потребуете за информацию.

– Немного. Моя клиентка не успела заплатить за работу, а я потратился. Не с мужа же ее требовать возмещения издержек. Она мне осталась должна двести долларов за два дня работы.

«Дешево берет, – отметила я, – или начинающий, или детектив не очень».

Отдавать этому наглому улыбчивому типу свой дневной

заработок не хотелось. К тому же версию с мужем убитой я еще не прорабатывала. Возможно, информацию, о которой говорил Склеяренко, мне и самой легко будет достать.

– Я подумаю. Завтра будет ответ, – бросила я, встала из-за стола, прихватив с собой визитку, и вышла из трактира.

Глава 5

К Шадрухину ехать в гости не имело смысла. Вынос тела, дорога на кладбище и все такое прочее не располагают к беседе. Сейчас у него полон дом людей – поминки. Не раньше вечера народ рассосется. И со Смотровым и Качаловым ничего не получилось. В общежитии их не оказалось – ребята уехали к родителям на праздники и вернутся только завтра, скорее всего вечерним поездом. Что-то несчастливый у меня сегодня день выдался.

Я стояла, облокотившись о капот своей машины, и курила. Поток талой воды, как ненормальный, пробежал мимо меня, унося вдаль прошлогодние листья и зимние окурки. Ветер плутал в волосах. От него было прохладно, но в машину не хотелось. Рука теребила визитку, добытую в недрах кармана серого пальто Шадрухина. Меня мучили два извечных российских вопроса: кто виноват и что делать? Вопрос первый остался открытым, а по поводу второго возможны были два варианта: заманчивый первый – поехать домой и сколько-нибудь отдохнуть, и не столь приятный второй – можно посетить фирму «Инвест-М», в которой работает Шадрухин.

Я отправила окурки в свободное плавание по ручьям родного города и поехала к центру, выбрав вариант под номером два. Фирма располагалась в одном из высотных зданий, где сдавались помещения под офисы разных частных фирм.

мочек. В таких домах обычно очень трудно найти искомое, что получилось и на этот раз. Я долго плутала по закоулкам второго этажа, в результате вышла почему-то на третий, где, уже совсем отчаявшись, все-таки обнаружила нужную мне фирму. А если бы я по главной лестнице пошла на третий этаж, то искомый офис ни в коем случае не был бы найден. Я усмехнулась: отсутствие логики полнейшее, как и все в нашей стране.

Я оказалась в кабинете, где сидело пятеро работников. Одни откровенно скучали, вторые измученно строчили на клавиатурах компьютеров, машинально отхлебывая остывший кофе. Один скучающий мужчина лениво повел на меня осоловелым взглядом, но отвел его, вздохнул и продолжил скучать дальше.

– Что вы хотели? – оторвавшись от экрана компьютера, спросила девушка, у которой отсутствовали какие-либо признаки фигуры.

– Могу я видеть вашего директора? – спросила я как можно официальнее.

– По какому вопросу?

Я молча достала свои «корочки» и показала их девушке. Красный цвет удостоверения почему-то сильно испугал ее. Большие карие глаза распахнулись и стали еще шире, а руки неожиданно схватили какую-то папку. Секунду спустя удивленно посмотрев на нее, девушка поняла, что папка ей совершенно не нужна, и положила ее обратно. Только после

этих сложных манипуляций сотрудница фирмы «Инвест-М» смогла сказать:

– Минуточку. – И прошла в кабинет директора.

Минут десять мне пришлось ждать ее возвращения, словно они на пару с шефом срочно и тщательно уничтожали все компрометирующие их документы. Или, на худой конец, дописывали недописанные.

Наконец дверь распахнулась, и девушка пригласила меня внутрь. Кабинет директора был обставлен с шиком, как, кстати, и тот, который я увидела первым. Обычно в таких частных конторах директора имеют большие запросы, а служащие – небольшие зарплаты. За обширным, черного дерева столом сидел мужчина нисколько не представительный: маленький рост, узкие плечики и широкий животик. И, совершенно не стыкуясь с такой несолидностью, пол-лица этого человечка занимал массивный розовый нос.

«Да, на обложку „Русского медведя“ этот гражданин не потянет», – подумала я.

– Чем могу быть полезен? – спросил директор высоким голосом.

Я еще раз распахнула просроченное удостоверение, пальцем, словно невзначай, прикрыв число, до которого действительны мои «корочки».

– Хочу задать вам несколько вопросов об одном из ваших сотрудников.

Директор пригласил меня сесть, с тревогой проследив за

тем, как красные «корочки» исчезли в моей сумочке. Он так и не решился попросить их посмотреть. Люблю таких людей допрашивать. Стоит только немного нажать на них, и они все выкладывают без утайки. Не то от страха, не то от благоговения перед правоохранительными органами.

– Он что-нибудь натворил? – спросил директор.

– Нет, но у него убили жену.

– А, это вы о Шадрухине, – облегченно вздохнул маленький человечек, сразу как-то успокоившись.

Я, заметив это, сразу подумала, что, по всем признакам, рыльце у него в пушку.

– Да, – подтвердила я для начала разговора, – о Шадрухине.

– Он подозревается? – спросил директор так, словно действительно ожидал услышать на подобный вопрос определенный ответ.

– Мы хотим это уяснить и надеемся, что вы нам поможете. Скажите, как зарекомендовал себя Шадрухин в вашей фирме? – начала я издалека.

Директор помялся, явно размышляя над тем, какую информацию от него ждут.

– С самой что ни на есть положительной стороны, – сообщил он наконец. – Хороший работник. Немного вял и безынициативен, но крайне исполнительен.

– А какие у него отношения с сотрудниками?

– То есть? – как-то встрепенувшись, спросил директор.

Ручка из его ладони выпала и покати­лась по столу. Я отме­тила это в своем мозгу и стала еще более внимательно на­блюдать.

– Конфликтный ли человек Шадрухин, или он легко схо­дится с людьми, – начала перечислять я, и директор свобод­нее откинулся в кресле, услышав, что именно я от него хо­чу. – Любят ли его сотрудники, – произнесла я, продолжая наблюдать за ним и сразу заметив, что последняя фраза за­ставила директора вновь схватить ручку, что выдало вновь охватившее его волнение.

– Что вы, какие конфликты, – торопливо заговорил ди­ректор. – Геннадий Андреевич человек миролюбивый. Он согласен пожертвовать своим комфортом, лишь бы ни с кем не ссориться.

– А сотрудники?

– Сотрудники его уважают.

Я решила сыграть ва-банк.

– И сотрудницы?

Директор стал раскручивать и закручивать ручку, явно испытывая сильное волнение.

– То есть? – повторил он свой вопрос.

Я поняла, что таким образом мне от него не добиться правды, и попробовала подойти с другой стороны.

– Шадрухин на днях ездил в командировку? – начала я быстро, с напором спрашивать его, не давая времени на то, чтобы подумать.

– Да, – только и успел односложно ответить директор.

– Когда он туда уехал?

– Первого марта.

– А вернулся?

Ручка хрустнула в руках директора. Он часто-часто заморгал глазами, не зная, что ответить. Как мог такой безвольный человек пробиться в начальники?

– Так когда же? – давила я дальше.

– Седьмого марта, – с ноткой неуверенности сказал мужчина.

– Это точная информация? Помните, вы сейчас помогаете следствию, и от вас может зависеть, поймают преступника – убийцу! – или нет.

Почему-то патриотическая мысль о посильной помощи правоохранительным органам вконец пошатнула позицию директора.

– Пятого, – едва слышно произнес он.

Я удовлетворенно откинулась на спинку стула. Сильно захотелось курить, но я понимала, что расслабляться еще рано. Самого главного, за чем я, по сути дела, и пришла, узнать пока не удалось.

– А зачем вы подписали документы Шадрухину с неверной датой?

В этот момент на столе включился динамик и приятный женский голос спросил, соединить ли Дмитрия Федоровича с кем-то. Я подсадовала на то, что нас так некстати прерва-

ли, отметив про себя имя директора.

– Скажи, пусть перезвонит минут через пятнадцать, – ответил Дмитрий Федорович, после чего обратился ко мне. Время передышки позволило ему успокоиться и взять себя в руки. – Знаете, как это бывает: жена-стерва дома пилит, на работе полный завал, в общем, некогда хорошему человеку отдохнуть. А тут подворачивается молоденькая симпатичная девушка. Можно же понять человека.

– И отмазать его от жены... – продолжила я.

– Ну, зачем же так грубо. Прикрыть.

– Хорошо, прикрыть, – усмехнулась я. – И работает эта девушка у вас?

– Совершенно верно.

– Вы можете мне показать ее?

– К сожалению, она сегодня не пришла. Заболела, видно. Но я могу дать вам ее адрес.

Он нажал на кнопку переговорника и попросил секретаря принести личное дело Орловой. Через минуту в комнату вошла все та же бесформенная девушка и положила на стол папку с крупными буквами «Дело» на обложке. Ниже от руки было написано «Орлова Ольга Александровна». Дмитрий Федорович прочитал адрес, и я, распрощавшись, ушла.

* * *

Сумерки незаметно опускались на дорогу. Я включила

подфарники и немного сбавила скорость. В доме Шадрухиных поминки, должно быть, уже закончились, но все равно ехать к нему было еще рано. Теперь уже по другим причинам. Я решила явиться к вдовцу, собрав всю возможную информацию, поэтому путь мой лежал в противоположный конец города, на самую его окраину, в Елшанку. Целый день, проведенный в дорогах, давал о себе знать. О том, что приближался вечер, настойчиво напомнил мой желудок. Я остановила машину около одной из кафешек и, включив тихо музыку, закурила.

В этом заведении я ни разу не была, а мне не хотелось попасть в какую-нибудь забегаловку, которую облюбовали граждане-алканарики. Я смаковала сигарету, от которой, кстати, аппетит разыгрался не на шутку, и наблюдала за входящими и выходящими. Вполне приличный народ. Я затушила окурок и поспешила к входу.

Пара сосисок и картошка фри волшебным образом пахли в моей тарелке, успокаивая возмущения желудка. В ожидании, пока мое блюдо остынет до съедобной температуры, я попробовала собрать уже известные мне факты воедино. У Шадрухина вырисовывалось очень шаткое положение: никакого алиби и мотив. Жена его была все же скорее на крокодила похожа, чем на ангела, да и характер, как я поняла, имела стержневой, а тут вырисовалась молодая и симпатичная девушка... Если убийца Шадрухин, понятно, почему нет следов взлома. Но это в том случае, если муж сам убивал жену или присут-

ствовал в данный момент. Кто же тогда третий? Мужчин же было трое, если верить словам соседки.

А если предположить, что Шадрухин кого-нибудь нанял? Тогда совсем непонятно, зачем он раньше времени приехал в город, от такого алиби отказался.

Мне вспомнился наглый тип, гордо назвавший себя частным детективом. Мне страшно захотелось его переплюнуть и самой собрать ту информацию, которую он мне хочет продать. И здесь не жадность во мне говорила. Это дело принципа. А к Орловой обязательно нужно будет взять портативный магнитофончик, который сейчас мирно лежит в рюкзаке в машине.

Отвлечшись от мыслей, я обнаружила, что незаметно все съела, попросила счет и, заплатив, вышла к машине.

Уж не знаю, может быть, что-то и есть в Елшанке хорошее, но только не дороги. Единственное порадовало: дом Орловой нашелся сразу. Это был маленький частный домишко, как минимум с десяток лет мечтающий о капитальном ремонте. Но надо было отдать должное хозяйке: несмотря на окружающую ветхость, двор был достаточно чист и ухожен. Сбоку калитки была привинчена красная кнопка звонка.

Я огляделась и отметила, что для наблюдения за домом это место совершенно неудобное: напротив глухой забор какого-то завода, у соседей справа и слева окна в сторону нужного мне дома не выходят. Следовательно, соседей расспрашивать не имело смысла, вряд ли они могли увидеть выхо-

дящего ночью от Орловой мужчину. Оставалось только беседовать с ней.

Мне пришлось минут пять звонить, прежде чем дверь дома открылась и к забору прошаркали чьи-то шаги. Калитку открыла действительно милостивая женщина лет двадцати пяти с крашеными волосами. На ней был нежно-голубой халатик, прикрывающий стройные ноги только до колен. По всей видимости, женщина накинула его впопыхах, поскольку ворот с одной стороны был завернут внутрь.

– Что вам нужно? – недружелюбно спросила Орлова. Она зябко ежилась на ветру, стоя в одном халате и просторных мужских ботинках.

В окне дома мелькнул обнаженный торс мужчины, и мне стало ясно, почему воротник у гражданки Орловой комком свернулся «по собственному желанию».

– Я пришла за своим мужем, – напористо сказала я и, выдавлив плечом удивленную женщину из ворот, прошла в калитку.

Теперь главное – не сбавлять темпа. По двору я понеслась, как стихийное бедствие, разбрызгивая из-под сапог грязь на ухоженные бордюрики.

– Позвольте, какой муж? – донеслось возмущенное из-за спины.

Но я уже вошла в роль и отвечать не собиралась. На скользких ступенях в дом темп пришлось немного сбавить, чтобы не растянуться на глазах у полураздетой Орловой, но

внутри дома я вновь зашагала нервной походкой обманутой жены. По всей видимости, обладатель голого и достаточно подтянутого торса находился в спальне, поскольку ни в коридоре, ни в зале я его не обнаружила. Я рывком толкнула дверь в спальню и увидела искомое.

Мужчина, довольно молодой, спортивного телосложения, сидел на взрыхленной кровати в одних брюках и без носков и премило удивлялся моему вторжению. Вокруг валялись остальные предметы его туалета, по которым нетрудно было догадаться, что он является коллегой Кири и моим конкурентом, то есть ментом. Вещи, кстати, валялись не только его.

– Что все это значит? – запыхавшись, подбежала ко мне хозяйка дома. – Идите искать своего мужа в другом месте.

Я, как могла, изобразила растерянность на своем лице.

– А где же Гена?

– Какой Гена, девушка?

– Вы сами знаете какой, – повернулась я к ней. – Шадрухин.

– Девушка, повторяю, ищите своего мужа в другом месте. Никакого Шадрухина я не знаю.

– Знаете! – со слезами в голосе сказала я. – Он у вас шестого был.

Я закрыла лицо руками и плюхнулась на кровать рядом с полуобнаженным в штанах. Боковым зрением я видела, как его заинтересовала эта история, а также мои бедра, к кото-

рым он словно невзначай придвинулся. Это мне было только на руку: какая женщина не заметит, что ее мужчина обращает внимание на другую. А я хотела как можно сильнее разозлить Орлову. Мне нужна была истерика, и я ее закатила.

Захлебываясь слезами, которые, честно говоря, выдавливать из себя оказалось довольно трудно, я нервно вздрогнула и уткнулась в соседние колени. Они оказались несколько костлявыми, и мне было страшно неудобно. Я представила себе, как сейчас смотрит на меня любовница мужчины. Должно быть, ох как мало тепла в ее взгляде.

– Он говорил, что любит меня, что жить без меня не может, а сам... – голосила я во все горло.

– Девушка, я не знаю, кого вы за нос водите, но скажу точно: никакая вы не жена Геннадию Андреевичу.

Я подняла заплаканное лицо с колен бойфренда Орловой и с ненавистью посмотрела на нее.

– Геннадий Андре-евич, – передразнила я ее. – Ты и в постели его так называешь?

– Что? – возмутилась оскорбленная хозяйка дома и обратилась к мужчине, сидящему рядом со мной, который вот уже пару минут терялся в сомнениях – приобнять меня, чтобы успокоить, как ребенка, или не рисковать на глазах у любовницы: – Игорь, и ты позволяешь меня так оскорблять?

Игорь, по-видимому, придерживался того мнения, что в споры женщин лучше не вмешиваться, все равно виноватым останешься. Он вяло открыл рот, чтобы что-то ответить, но

я его опередила.

– Если ты не знаешь Гену, откуда тебе известно, как его зовут и кто его жена? – придвигаясь ближе к широкому мужскому плечу, спросила я Орлову.

– Да? – оживившись, спросил Игорь. – Это, кстати, интересный вопрос.

– Ну, Игорек, не слушай ты эту ненормальную, – стала оправдываться Орлова, – Геннадий Андреевич – мой коллега по работе. Как мне его не знать? И жену его я видела. И если эта, – кивнула на меня женщина, – его жена, то она сумела сильно помолодеть за последние дни, сделать пластическую операцию и, что самое неожиданное, воскреснуть.

Прослушав всю эту тираду, я шмыгнула носом и, взревев с новой силой, уткнулась все в те же костлявые коленки.

– Да что это такое? – не выдержав, кинулась оттаскивать меня от любовника Орлова.

– Да, я не его жена, – со всхлипами редела я в ответ, не соглашаясь отлипнуть от бойфрендовских коленей, – но он говорил, что любит меня. И шестого ночью он не пришел ко мне, хотя обещал. И дома его не было. Я проверяла, звонила.

Орлова, я чувствовала, уже готова была применить силу, лишь бы заткнуть меня.

– Постой, постой, – прикрывая меня рукой, начал о чем-то догадываться Игорь, – шестого марта?

– Не октября же, – ответила я.

– Так вот чью бритву я обнаружил на следующий день, –

осенило его. – А я, дурак, тебе цветы принес.

– Ты что, веришь этой ненормальной? – взвизгнула Орлова.

– А я-то думаю, что это к ней папа так часто приезжает, но я все его застать не могу. Он, видишь ли, то пенку для бритья оставит, то галстук забудет. Загадочный такой папочка, который с дочериными женихами стесняется знакомиться.

– Да если хочешь знать, этот «загадочный папочка» очень часто у меня ночует, – не выдержала Орлова. – Девушка, это и вам будет интересно: шестого он всю ночь провел у меня. Всю! Мы валялись в постели с семи вечера до самого утра. Кстати, любовник «папочка» замечательный. А ты думаешь, как я одна ращу ребенка? – обратилась она непосредственно уже к Игорю. – На одну зарплату, что ли? Она у меня не депутатская!

Миловидное лицо хозяйки дома от волнения покрылось красными пятнами. Обстановка накалилась до предела, и я поняла, что пора ретироваться. Я возмущенно вскочила с насиженного места и собралась пулей выскочить, словно не выдержала моя душа такой горькой правды, но не тут-то было. Орлова вцепилась в меня руками и, крепко встряхнув, отбросила обратно.

– Нет уж, не уходите! – распаленно кричала она. – Натворила дел и в кусты? Не получится!

Она размахнулась для того, чтобы дать мне пощечину, но промахнулась – я быстро увернулась от удара. Зря эта жен-

щина затеяла военные действия со мной, обладательницей черного пояса по карате. Лучше меня так не нервировать.

Красные пятна все шире и шире расплывались по лицу и слегка прикрытой груди разгоряченной женщины. Зрачки от злости стали совсем узкими. Я сделала еще одну попытку уйти, но снова безрезультатно. Кажется, я несколько перестаралась, играя роль.

– Какое право ты имела разрушать мою жизнь? – кричала запутавшаяся в любовниках дамочка. – Зачем ты ворвалась в мой дом? Это, между прочим, противозаконно. Я свои права знаю.

Орлова в очередной раз попыталась меня ударить и в очередной же раз промахнулась. Это вконец ее взбесило. Круто развернувшись, женщина выбежала в соседнюю комнату. Действие было настолько неожиданным, что я сразу не поняла, для чего она это сделала. Лишь только когда раздался ее голос, вызывающий по телефону милицию, я оправилась от того состояния полного изумления, в которое впала из-за неожиданно бурной реакции Орловой.

В голове родились две мысли: вырвать из рук ненормальной хозяйки дома телефонную трубку или любой ценой пробиваться к выходу. Затевать побоище с женщиной не хотелось, и я, прекратив играть «бедную овечку», решительно направилась к выходу.

- Никуда ты не уйдешь, – уцепилась за мой рукав Орлова.
- Оля, не чуди, – попытался успокоить ее Игорь.

Спектакль затянулся, актеры переигрывают. История эта мне давно уже перестала нравиться, и, схватив удерживающую меня руку за запястье, я вывернула ее, применив несложный прием из карате. Освободившись таким образом, я вышла на скользкие ступеньки, по пути сшибла пустое ведро, и оно с гулом покатилося вниз, громыхая на каждой ступени.

Быстрым шагом я прошла по тропинке и, ногою толкнув калитку, вышла за ворота. Я слышала, как Орлова скользит следом. Впопыхах она упала на ступеньках, что меня очень позабавило. Мне оставалось совсем немного пройти до моей машины, как я увидела явление, совершенно не свойственное в нашей стране. Объезжая ручьи и канавы, на максимальной для таких условий скорости в сторону дома Орловой спешил автомобиль, освещая все вокруг фарами. Он был совсем рядом, и даже в темноте вечерних сумерек я смогла различить: это была машина милиции. Вот уж поистине неисповедимы пути господни!

Хоть глаза Орловой и застилала злость, но определить, что за машина движется в нашу сторону, она тоже смогла. Несказанно обрадовавшись, она прибавила шагу и замахала руками, поторапливая ментов. Этого только не хватало.

Быстро оценив сложившуюся ситуацию, я решила вести себя как можно более спокойно и не вступать в конфликт с властями. В любом случае уехать я теперь не успею: номера моей машины видны как на ладони. Не хватало еще, чтобы

меня разыскивать стали.

Милицейский автомобиль остановился, перегордив дорогу моей «девятке». Из него вышли два мента: у одного был бутерброд с колбасой в руках, у другого скука в глазах.

– Дом двадцать девять здесь, что ли? – спросил тот, что со скукой.

– Да, – с готовностью ответила Орлова. Красные пятна ее стали белеть на морозе, стирая последнюю краску с лица. – Это я вас вызывала. Вот эта женщина ворвалась в мой дом. Вы только посмотрите, я вся в синяках. – Она протянула вперед запястье, которое я слегка вывернула, высвобождаясь от ее цепкой хватки.

Следы моих пальцев, а также ссадина на коленке, полученная Орловой при падении с крыльца, красноречиво говорили за себя. Ситуация принимала неожиданный оборот.

Глава 6

Комната, которая меня окружала, не внушала оптимизма. И компания мне не нравилась. Никак не вдохновляла она на мажорное настроение. Я сидела на жестком подобии матраса и смотрела в окно. Там было только небо и издевающиеся надо мной капли с крыши. Они размеренно чпокали сверху вниз, отсчитывая секунды, выворачивая душу этой тупой и никому не нужной методичностью. Я поймала себя на мысли, что считаю каждую каплю, словно это могло мне помочь узнать, сколько времени я здесь нахожусь. Резкая боль в шее настойчиво напомнила, что она уже давно затекла и пора бы сменить позу. Я опустила голову, и окно уползло вверх по обшарпанной стене, улизнув из моего поля зрения.

Глаза наткнулись на временных моих сожительниц, отчего веселее не стало. Их было трое: две проститутки и третья неопределенно-бомжеватого вида пожилая женщина столь же неопределенного возраста. По ее пропитому лицу можно было предположить, что лет ей где-то между тридцатью и пятьюдесятью.

Из первых двух та, что помоложе, совсем еще девчонка, совершенно неожиданно напомнила мне школьного учителя физики Сергея Павловича. Наверное, потому, что она, так же как и он когда-то на уроках, суетливо волновалась, бегая из стороны в сторону и неся какую-то околесицу. «Первый

раз попалась, – подумала про нее я, – ничего, еще привыкнет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.